

Боги всегда казались людям существами недостижимыми, эфемерными, принадлежащими иным, нереальным мирам.

Но когда это божество приняло осязаемое мужское воплощение и плавно шагнуло навстречу смертным, все присутствующие оцепенели от потрясения.

Он был невероятно прекрасен. Эту красоту невозможно было описать обычными словами — совершенная, ослепительная, она лишала дара речи. Достаточно было одного взгляда, чтобы почувствовать, как душу омывает целебная прохлада чистейших горных источников. Его старинные одежды, деревянные гэта и белоснежные носки выглядели непривычно для обитателей технологичного века, но при одном взгляде на него у каждого рождалось отчетливое понимание: да, именно так и должен выглядеть сошедший на землю бог.

Наблюдая за замороженными лицами съемочной группы, режиссер Лань Си невольно почувствовал гордость.

— Позвольте представить: наш многоуважаемый покровитель Голубой звезды, — торжественно объявил он.

— При... приветствуем вас, достопочтенное божество...

— Здравствуйте...

Люди один за другим торопливо опустились на колени. В Межзвездной Федерации подобный жест считался высшей формой почтения, предназначенной исключительно для правителей. Но здесь, перед лицом истинного бога, люди склонились, повинувшись внутреннему порыву. Казалось, только опустившись в самую пыль и поднеся ему все свои земные сокровища, они могли выразить хотя бы крупицу того благоговения, что переполняло их сердца.

В этот миг к Цзэлянью устремились едва заметные струйки духовной силы — невидимые ароматические подношения съемочной группы. Всего одной встречи хватило, чтобы божество обрело десятки новых верных последователей.

— В этом нет нужды, — мягко отозвался Цзэлянь, едва заметно нахмурившись.

Помощник режиссера украдкой взглянул на него снизу вверх.

«Боже, он прекрасен, даже когда хмурится!»

— Вы что, не слышали? — Лань Си первым проворно вскочил на ноги и замахал руками на съемочную группу. — Вставайте, поднимайтесь скорее!

Тут он заметил, что среди всей этой толпы один лишь Гу Пэйань с самого начала даже не подумал преклонить колени. Актер лениво приподнял веки и, окинув коллег снисходительным взглядом, протянул:

— Наш божественный покровитель на редкость добр и близок к народу. Он терпеть не может все эти церемонии, так что ведите себя проще.

Люди нерешительно поднялись, двигаясь с предельной осторожностью, словно боясь неосторожным жестом оскорбить священного гостя.

Цзэлянь согласно кивнул:

— Теперь мы коллеги. Перед лицом вечности все равны, поэтому не нужно оглядываться на мое происхождение.

— Вот и отлично! — восторженно воскликнул Лань Си и первым захлопал в ладоши. — Давайте горячо поприветствуем нашего покровителя! Уверен, наш фильм ждет оглушительный успех!

Площадку заполнил шквал аплодисментов. Гу Пэйань хлопал усерднее всех, едва не отбив себе ладони.

Божество и впрямь оказалось на редкость великодушным, пусть внешне и держалось отстраненно. Тот, чей статус превосходил любого императора Федерации, не только избавил их от обременительного этикета, но и назвал коллегами, признав равными себе.

У нескольких сотрудников от избытка чувств даже перехватило дыхание. Теперь им стало понятно, почему соседи-инсектоиды без конца хвастаются своим великим Богом Насекомых. Будь у человечества такой прекрасный покровитель, они бы трубили об этом на каждом углу!

Одно оставалось загадкой: зачем столь возвышенному существу сниматься в человеческом кино?

— Так, цирк окончен, за работу! — Лань Си строго прикрикнул на замешкавшегося помощника. — А ты совсем страх потерял? Немедленно выключи камеру на оптическом мозге! Съемка на площадке строго запрещена.

Парень торопливо убрал устройство. Он всего лишь хотел сделать хотя бы один снимок... Но стоило ему нажать на спуск, как он с изумлением обнаружил, что объектив просто не способен запечатлеть этот неземной силуэт. Неужели богов действительно нельзя сфотографировать без их дозволения?

— Внимание всем, приготовиться к первому дублю! — скомандовал Лань Си в мегафон.

Толпа зашевелилась и разошлась по местам. Рабочие, словно муравьи, принялись за свои привычные дела, хотя то и дело кто-нибудь из них украдкой косился в сторону Цзэляня.

Гу Пэйяню эти любопытные взгляды пришлись не по душе. В этот момент он даже немного пожалел о содеянном. Чувство было такое, будто его личное, тщательно оберегаемое сокровище внезапно выставили на всеобщее обозрение.

Если уж съемочная группа, пресыщенная идеальной внешностью лучших представителей Галактики, лишилась дара речи, то что начнется после премьеры? Гу Пэйянь легко мог представить, какое безумие охватит зрителей. Цзэляню даже играть не придется — достаточно будет просто войти в кадр, чтобы рейтинги взлетели до небес.

В груди актера шевельнулось смутное, ревнивое чувство.

«Впрочем, у меня все еще есть мой лисенок. Гоудань принадлежит только мне».

Эта мысль подействовала лучше любого стабилизатора эмоций. Сбросив уныние, Гу Пэйянь с улыбкой настроился на рабочий лад.

Перед началом основных съемок режиссер решил сделать несколько рекламных кадров для будущей промо-кампании. Гу Пэйянь удалился в гримерку и вскоре вернулся в новом сценическом костюме.

Гримеры нанесли ему высокотехнологичный грим. Когда актер шагнул к профессиональному экрану, каждое его движение излучало безупречный шарм суперзвезды — зрелище было настолько эффектным, что у окружающих захватывало дух.

Для Цзэляня принесли удобный шезлонг. Устроившись на нем, божество задумчиво наблюдало за тем, как ловко Гу Пэйянь позирует перед камерами, профессионально меняя ракурсы и демонстрируя отточенные жесты.

Предложить богу сменить одежду или наложить грим никто не осмелился. Когда Лань Си подавал знаки визажистам, те упорно отводили глаза, делая вид, что ужасно заняты делом.

«Да кто вообще в здравом уме рискнет пудрить лицо самому божеству?»

Режиссер привык доводить все до идеала. Природные данные Гу Пэйяня и его безупречная кожа были великолепны, но сверхчувствительная камера Межзвездной Федерации требовала идеального света и корректирующего тона, чтобы скрыть малейшие тени. Лань Си всерьез беспокоился, не испортит ли безжалостный объектив безупречный облик их священного гостя.

— Как думаешь, может, стоит подобрать ему костюм? Или хотя бы слегка припудрить лицо? — тихо спросил Лань Си, подойдя к актеру.

— Зачем? — Гу Пэйань посмотрел на него с явным недоумением. — Наш покровитель и так совершенен.

— Ну ладно, — вздохнул режиссер.

В голове Гу Пэйаня на миг возник образ Цзэляня в строгом современном костюме, и его передернуло.

«Нет, это будет выглядеть вопиюще нелепо».

— Он безупречен, — твердо повторил актер. — Одежду, подобную его наряду, сейчас нигде не сыщешь. Зачем менять подлинную древность на штамповку от модных дизайнеров?

Подумав, Лань Си согласился.

Сольные кадры с Гу Пэйанем отсняли на удивление быстро. Не дожидаясь приглашения, Цзэлянь грациозно поднялся и зашагал к фону. Все присутствующие затаили дыхание: в свете софитов казалось, будто его фигуру окутывает мягкое золотистое сияние.

— Это... божественный нимб? — потрясенно прошептал ассистент, чувствуя, как его привычная картина мира окончательно рушится.

Цзэлянь остановился перед камерой, поправил складки кимоно и взглянул на режиссера:

— Так подойдет?

— Да, превосходно! — Лань Си торопливо вскинул камеру и принялся увлеченно щелкать затвором.

С каждым кадром режиссер приходил в еще больший восторг. Лицо божества, казалось, само излучало мягкий свет, превосходящий любые цифровые фильтры.

Лань Си тогда еще не подозревал, что без воли высших сил истинный лик богов не поддается фиксации. Даже те, кому посчастливилось увидеть его воочию, со временем неизбежно забывали эти черты. Сохранить в памяти вечный образ божества — величайший дар, доступный лишь избранным смертным.

Сделав пару десятков снимков, Лань Си все же почувствовал легкое разочарование. Даже

самая совершенная оптика не могла передать и сотой доли той величественной грации, которой дышал каждый жест Цзэляня.

— Теперь парные снимки! — скомандовал режиссер, подзывая Гу Пэйяня.

Когда они встали рядом, съемочная группа невольно залюбовалась: смертный и бог смотрелись вместе невероятно гармонично. Сценаристка Ван наблюдала за ними со стороны, тихо вздыхая от восторга.

«Пожалуй, только безупречная красота Гу Пэйяня способна не померкнуть рядом с этим величием».

Лань Си прищурился, вглядываясь в кадр. Чего-то явно не хватало.

— Пожалуйста, встаньте ближе друг к другу. Вот так, отлично. Наш глубокоуважаемый покровитель, у нас ведь романтическая история... Не могли бы вы посмотреть на учителя Гу? Нужен глубокий, нежный взгляд, полный затаенного чувства... — На полуслове режиссер мысленно дал себе по шее. Какая дерзость — указывать самому богу!

К счастью, Цзэлянь отнесся к его словам спокойно. Он послушно сделал два шага вперед, сокращая расстояние между ними до минимума.

Почувствовав близкое дыхание, Гу Пэйянь уловил тонкий, освежающий аромат лотоса. Его сердце мгновенно пропустило удар. Сегодня на нем не было блокатора запахов, и этот божественный шлейф окутывал его тело подобно прохладным океанским волнам, проникая в самую глубину души.

Цзэлянь мягко опустил левую ладонь на плечо актера, а пальцами правой осторожно приподнял его подбородок, заставляя смотреть только на себя.

— Так хорошо, режиссер? — негромко спросил он, не сводя взгляда с лица юноши.

Их глаза встретились.

Гу Пэйянь отчетливо слышал, как гулко бьется его собственное сердце в груди — все быстрее и отчаяннее. Под этим пристальным взглядом он почувствовал, как к щекам мгновенно прилила краска.

Именитый актер, которого критики частенько упрекали в посредственной игре, впервые в жизни выдал перед камерой абсолютно искреннее, трепетное смущение первой любви.

— Прекрасно! Именно так! Держите позу! — взволнованно зашептал Лань Си, торопливо

ЛОВА ЭТОТ ВОЛШЕБНЫЙ МОМЕНТ В ОБЪЕКТИВ.

<http://bllate.org/book/20372/2214224>